

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Синица Натальи Александровны «Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

В последние годы исследование проблемы соотношения языка и культуры, языка и национальной ментальности обрело новый ракурс в рамках этнолингвистики, обращенной, в частности, к реконструкции фрагментов народной картины мира на основе анализа разных разрядов культурно маркированной лексики и фразеологии. В этом смысле разрабатываемое представителями Уральской этнолингвистической школы портретирование реалий открывает широкие возможности для создания нового методологического инструментария реконструкции культурно-языковых образов объектов действительности, интерпретируемых сознанием, их значимость для конкретной лингвокультуры и их взаимосвязях со сходными представлениями в других культурах. Все это определяет несомненную **актуальность** диссертации Н.А. Синица, в которой представлено этнолингвистическое портретирование служителей христианского культа в четырех славянских традициях.

Научная новизна данной работы заключается в том, что этнолингвистическое портретирование впервые подверглось методологической рефлексии, продемонстрирована операциональность методики портретирования как инструмента, позволяющего, с одной стороны, сфокусировать этнолингвистическое исследование многообразных фактов, с другой, – представить его результаты в некоторой «унифицированной» форме (портрете). Кроме того, в научный оборот введен новый сопоставительный материал, выявляющий общие и уникальные черты языковых образов священнослужителей в анализируемых лингвокультурах.

Теоретическая значимость диссертации Н.А. Синица заключается в создании методики портретирования культурно значимых реалий. Автором поставлены и последовательно решены вопросы методологического плана, связанные с принципами построения этнолингвистического портрета, его объектом, параметрами, способами систематизации входящей в него информации. Диссертантом определены и принципы контрастивного исследования портретов, в частности, уровни и критерии их сопоставления. Результаты работы являются значимыми как для этнолингвистики, так и в общем для теории и методологии языкознания, что позволяет констатировать **полное соответствие** диссертации Н.А. Синица **паспорту научной специальности 10.02.19 – теория языка.**

Продуктивным является выбор в качестве основы портретирования деривационно-фразеологического гнезда, значимость которого для этнолингвистических исследований уже обоснована в работах проф. Е.Л. Березович и ее учеников, но в данном исследовании продемонстрированы возможности этой единицы анализа в новом ракурсе. Корпус проанализированного материала (почти две тысячи лексических единиц и паремий по данным четырех славянских языков) представляет собой основательную эмпирическую базу, а серьезный анализ с привлечением авторитетных источников (словарей, картотек диалектного материала), количество публикаций по теме исследования (17 работ, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК) обеспечивают высокую **достоверность** сформулированных выводов.

Результаты исследования, несомненно, будут востребованы в лексикографической практике при составлении одно- и многоязычных этнолингвистических словарей, а богатейший материал и методика его анализа имеют **практическую значимость** для вузовского преподавания в соответствии с содержанием формулы специальности 10.02.19 – теория языка: «Современные представления об основных компонентах, единицах и правилах естественного языка, а также о методах их изучения» – в курсах по диалектологии, этнолингвистике, славистике, мотивологии и семантике.

Диссертацию Н.А. Сеница отличает качественное обоснование логики каждого этапа исследования. В первой главе **«Портретирование в этнолингвистическом исследовании: общий обзор»** анализируются существующие подходы как к самому понятию «портрет», так и к принципам его осуществления на основе данных фольклора, обрядов и других неязыковых знаковых систем (в рамках «широкой» этнолингвистики) или на основе языковых данных (в рамках «узкой» этнолингвистики). Диссертант не уходит от проблемных вопросов, связанных с процедурой портретирования. Так, представляется существенным определение объема информации об объекте: какие признаки являются необходимыми и достаточными для создания портрета (где граница этого набора признаков реалии, особенно если они являются не объективно ей присущими, а приписываемыми субъектом интерпретации). Н.А. Сеница справедливо замечает, что «даже минимальное количество признаков, релевантных для этнолингвистического портрета, предполагает их укорененность в культуре» (с. 44 – КД), поэтому в качестве объекта этнолингвистического портретирования, по мнению диссертанта, выступает «образ конкретного предмета или персонажа, закрепленный в народном сознании, который отражен в языке или других кодах народной культуры одним или более признаком» (там же). Можно было бы добавить: «признаком, осознаваемым представителями данной лингвокультуры и/или регулярно воспроизводимым».

Другой вопрос, методологически значимый для этнолингвистического портретирования, – о способе его структурирования – решается в диссертации в пользу тематического принципа систематизации информации, который может сочетаться с жанровым принципом. Отмечается также «целесообразность группировки черт этнолингвистических портретов по степени их объективности / субъективности, а также по субстанциональным кодам культуры, в которых проявляются те или иные черты образа, что позволяет понять степень устойчивости тех или иных черт (наиболее устойчивы те черты, которые отражены во всех субстанциональных кодах, а в первую очередь, – в системе языка; менее устойчивы черты, отраженные в текстах – например, в поговорках)» (с.51 – КД).

Значимым для методологии этнолингвистических исследований является обращение автора к принципам сопоставления этнолингвистических портретов по данным разных языковых традиций, что позволяет выявить универсальность и лакуарность национальных языковых картин мира.

Во второй главе **«Опыт моделирования этнолингвистического портрета (на основе портретов служителей культа в русском, польском, украинском, белорусском языках)»** определен состав деривационно-фразеологических гнезд, вершинными словами которых являются обозначения служителей культа в сопоставляемых языках; представлены принципы этнолингвистического портретирования и продемонстрирована процедура моделирования портрета священнослужителей. Основой портрета (в соответствии с обозначенным объектом исследования) является деривационно-фразеологическое гнездо, которое формируется следующим образом: а) вершина гнезда – церковный термин, обозначающий служителя культа, в его первичном значении; б) факты, в которых отмечаются семантические трансформации опорного слова; в) фразеологизмы и поговорки, которые являются свидетельством устойчивости мотива и помогают установить и интерпретировать ассоциативные компоненты семантики единиц гнезда. Закономерно в состав гнезд не включаются собственно словообразовательные дериваты, этнокультурно немаркированные. В случае полисемии вопрос о включении лексико-семантических вариантов в состав гнезда решается с учетом их «сакрального – профанного» статусов. Портрет строится на основе признаков и мотивов, выявленных с использованием комплекса методов и методик (семантико-мотивационного, ономазиологического и контекстного анализа лексики). Заметим, что мотивационный анализ лексики каждого деривационно-фразеологического гнезда выполнен весьма основательно, лингвистически корректно, в соответствии с принятыми исходными постулатами.

Анализ материала позволил Н.А. Сеница выявить корпус русских, украинских, белорусских и польских обозначений служителей христианского культа, которые дают семантическое развитие в диалектах и общенародном языке. Важную роль в этой части исследования выполняет метод семантико-мотивационных параллелей, который позволяет осуществить семантическую реконструкцию «темных» в мотивационном плане лексем и фразем. См., в частности, предложенные в работе решения для рус. диал. *поп* ‘прямо стоящий предмет’, ‘головастик’, рус., укр. диал. *монах*, польск. *mnich* ‘водоспуск у плотины’, польск. диал. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> ‘нюхательный табак’ и др.

Рассматривая универсальные и специфические модели семантической деривации, Н.А. Сеница выявляет, что на основе обозначений служителей культа номинируются а) растения; б) животные; в) предметы быта; г) игры и игровые принадлежности; д) физические свойства человека; е) черты характера и интеллект; ж) образ жизни человека; з) особенности речи; и) состояние болезни и смерти. Интересны факты развития энантиосемии, например, слово *дьякон* приобретает бранную семантику: волог. *дьякон* ‘бранное слово’, костр. *дьякѡн тамбѡвскій* ‘ругательство’ (с.61 – КД), что вполне соотносится с отмечаемой в русских говорах тенденцией к развитию энантиосемии в разных группах сакральной лексики (*алтарь*, *аллилуйя* и др.) и ее десакрализации. Есть ли наблюдения относительно того, насколько это явление характерно для других анализируемых славянских языков?

Основная часть главы посвящена составлению этнолингвистических портретов на основе мотивов, реализующихся в каждом деривационно-фразеологическом гнезде (17 в русской языковой традиции, 27 – в польской, 14 – в украинской, 11 – в белорусской), при этом последовательно учитывается релевантный объекту портретирования способ систематизации информации. Входящие в портрет признаки систематизированы по тематическому принципу, логическому статусу, характеру подачи информации, особенностям «принимающей» семантической сферы. Поражает не только скрупулезность и качество анализа материала, но и его объем: 1925 (!) языковых фактов, из них 653 относятся к русской языковой традиции, 519 – к польской, 498 – к украинской, 255 – к белорусской. Правда, возникает вопрос о количественных соответствиях: если белорусская традиция – синкретична, она включает (что отмечается и самим диссертантом) единицы католической и православной лексических систем, чем в таком случае можно объяснить количественный минимум именно для белорусского языка (в два – два с половиной раза меньше в сравнении с объемом материала по другим языковым традициям)?

Третья глава «**Закономерности организации этнолингвистических портретов служителей культа в русском, украинском, белорусском и польском языках**» обращена к выявлению признаков, объединяющих портреты служителей культа во всех исследуемых лингвокультурных традициях, а также уникальных черт, проявляющихся в портретах отдельных служителей культа в разных культурно-языковых традициях.

Н.А. Сеница, анализируя основные тематические сферы значений, выявляет межъязыковые семантико-мотивационные параллели. При этом вновь (как и в первой главе) приоритет отдается тематическому принципу систематизации информации, что подтверждается убедительными выводами о возможности определения наиболее активных моделей возникновения переносных значений именно на основе выделения тематических сфер. Ср., например, модели 'священник / его атрибут → растение' (рус., бел. *поп*, бел. *ксьндз*, польск. *mnich* 'одуванчик'), 'попасть в хозяйство к священнику → умереть' (укр. лемк. *nítti popowe do míшка* 'умереть', бел. *на паповы сані збірацца* 'умирать', польск. *na księżą oborę pójść* <на ксендзов двор пойти>) и др.

Завершает главу сопоставительный анализ мотивационной структуры портретов в разных языках. Выводы Н.А. Сеница по результатам анализа в целом сомнений не вызывают, во всяком случае, по представленным в диссертации материалам нельзя не согласиться, например, с тем, что «в православной традиции ярче и полнее, чем в католической, представлены портреты низшего духовенства и церковных служек (дьякона, пономаря, звонаря), а в католической – высших церковников (епископа, кардинала, Папы Римского)». Это вполне согласуется с тезисом о важности для католиков иерархии церковных чинов, но, возможно, более полная выборка могла бы обнаружить некоторые нюансы в портретах (в частности, низших и средних чинов): в польском списке, например, представлены *diakon*, *subdiakon* и даже *arhidiakon*, но нет *hipodiakon* (*hypodiakon*), *hierodiakon*, *kościelny*, *zakgustian* и др. номинации невысоких чинов.

В целом высоко оценивая диссертацию Н.А. Сеница, выскажем несколько замечаний, связанных не с теоретическими положениями работы, а с квалификацией материала и / или необходимостью более весомой аргументации:

1. Вполне понятен принцип отбора материала на втором этапе: методом направленного отбора по производящей основе было просмотрено несколько десятков (!) словарей (что, безусловно, вызывает уважение). Однако обоснование отбора материала на первом этапе (сплошной выборки) представлено весьма приблизительно:

а) ср., например: «... в список опорных слов были включены следующие лексемы, не представленные в словарях православной лексики: диал. *богомаз*, *проб* (*пробст*), *кало-*

гер» (с.15 – КД). А почему именно эти, не самые, кстати, частотные и культурно значимые номинации вошли в перечень? Тем более, сама Н.А. Сеница отмечает, что «портреты... священников первой степени иерархии: пресвитера и пробста содержат единичные факты» (с.105 – КД).

б) никак не объясняется отсутствие в выборке имеющихся в разных языках соотносительных обозначений чинов. Почему, например, польск. *pustelnik* есть, а рус. отшельника нет?

в) по какому принципу отбирались гендерные корреляты: почему одном языке они есть (монах, монашка), а в др. нет (*mnich – mniszka, zakonnik – zakonnica*); да и в русском варианте «родовая пара» нечасто встречается: например, *игумен* есть, а *игуменьи* нет, хотя эта номинация, казалось бы, более культурно коннотирована (как, впрочем, все женские персонажи в др. лексико-семантических группах. Ср.: нейтр. *тесть, свёкр* и коннотированные *тёща, свекровь* и т.д.).

2. В работе используется понятие «мотивы-партнеры», но догадываться о его содержании приходится только по примерам (*mnich – kardynal, ksiądz – diabel, non – черт, бес, дьявол, non – кот*). Это оппозиты? Устойчивые контекстуальные противопоставления? Почему тогда это «мотивы» наряду с «мотив цвета», «мотив лицемерия» и т.п.?

3. Представляется слишком расширительным понимание народно-этимологической аттракции. Так, пример «*Ksaży parobok po niebe җoзи i ksaże kurë pase* <Ксендзов парень по небу ходит и ксендзовых кур пасет> (месяц и звезды) рассматривается как результат аттракции к польск. *księżyc* ‘месяц’ (с. 120 – КД), и это, действительно, может быть даже намеренно игровой аттракцией (учитывая жанр – загадка). Другие же примеры, на наш взгляд, можно с большой «натяжкой» квалифицировать таким же образом: *ksiądz do barszczu wlasz* <ксендз в борщ влез> ‘о задымившемся блюде’ - только на основе визуализации образа и буквализации метафоры, поскольку контекст не содержит аттрактантов. Ср. также: кашуб. *ksiż jaҗoł, ksiż jaҗoł bez vés* <ксендз ехал через деревню> – «блюдо подгорело, так как все домашние выбежали из дома, чтобы посмотреть на проезжающего ксендза» (с.110 – КД).

Вызывает сомнение также следующее утверждение: «Представления о связи дьякона со сферой сакрального (в том числе чудодейственного → целебного), возможно, обусловили аттракцию костр., смол. фитонима *dekón* ‘сабельник болотный’ к слову *дьякон*, в результате чего сформировалась лексема *дьякон* ‘лечебная трава от опухоли’ (с. 16 – АКД).

Аттракция все-таки в большинстве своем основана на сближениях не графически близких, а созвучных слов (тем более в устной диалектной речи), в данном же случае даже акцентологическое рассогласование противоречит принципу аттракции. К тому же, насколько это следует из описания, речь идет о разных растениях? Возможно, здесь просто эксплуатируется актуальная для фитонимии модель номинации лекарственных трав по связи с обозначением целителя, в том числе сакрального субъекта (раст. *врачуха* – от *врач, врачуха, знаткая трава* – от *знаткой, знаткая*, раст. от всех болезней *богородка* – от *Богородица*, и т.п., возможно, название раст. *дыякон* вписывается в эту модель).

Высказанные вопросы и замечания не касаются концептуальных положений диссертаций и имеют дискуссионный характер. В целом же можно констатировать, что диссертация Н.А. Синица «Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках)» представляет собой самостоятельное завершённое исследование, выполненное на высоком уровне, соответствует всем требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ №842 от 24 сентября 2013 г. Автор диссертации Синица Наталья Александровна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Официальный оппонент доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Коновалова Надежда Ильинична
10.05.2018

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, ауд. 281 (кафедра общего языкознания и русского языка). Тел.: 8(343)235-76-64; +7-922-
E-mail: sakralist@mail.ru. Сайт организации: <http://www.uspu.ru>

